

A silhouette of a dragon is shown against a sunset sky. The dragon is perched on a rocky outcrop, with its wings spread and its head turned towards the right. The sun is low on the horizon, creating a bright glow and a reflection on the water below. The sky transitions from a deep blue at the top to a lighter blue near the horizon.

**Вадим
Кучеренко**

***ДРАКОН
С ХРИСТИАНСКИМИ
ДОБРОДЕТЕЛЯМИ***

Вадим Кучеренко

**Дракон с христианскими
добродетелями**

«Автор»

2019

Кучеренко В. И.

Дракон с христианскими добродетелями / В. И. Кучеренко —
«Автор», 2019

Богатый бизнесмен Андрей Кичатов погибает в морской катастрофе во время шторма. Члены его семьи – жена, две дочери, их мужья - собираются на оглашение завещания. И неожиданно узнают, что все движимое и недвижимое имущество завещано не вдове и даже не дочерям... Читайте интригующую пьесу Вадима Кучеренко "Дракон с христианскими добродетелями"!

© Кучеренко В. И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Действие 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вадим Кучеренко

Дракон с христианскими добродетелями

Действующие лица:

Кичатов Андрей Олегович, около 50 лет, бывший рыбак, затем бизнесмен, крепкий коренастый мужчина, напоминающий голливудского пирата, выглядит моложе своих лет.

Софья Алексеевна, его жена, 40 с небольшим лет, домохозяйка с претензией на светские манеры, благоприятное впечатление от которых портят желание властвовать над всеми и привычки, приобретенные за годы жизни с мужем.

Вера, 25 лет, юрист, старшая дочь Кичатовых, с часто появляющейся на губах ироничной улыбкой знающего о жизни все человека.

Надежда, 23 года, переводчик, младшая дочь Кичатовых, утонченная натура.

Мышкин Алексей, 25 лет, генеральный директор рыбоперерабатывающего предприятия, муж Веры, с невыразительным, но добрым лицом сильно пьющего человека.

Юркин Павел, 35 лет, начальник департамента рыбного хозяйства администрации края, муж Надежды, с привлекательной для многих женщин внешностью игрока, но с одной отталкивающей чертой – бегающими глазами человека, вынужденного скрывать от всех, даже близких людей, свои истинные мысли и мотивы.

Любовь, 25-30 лет, домработница в доме Кичатовых, с красивой фигурой и очень женственная, но вынуждаемая обстоятельствами быть мужественной, а порой даже жесткой.

Оглоблин Петр, 30-35 лет, заведует хозяйством в доме Кичатовых, ничем не примечательный человек, грубый и подбострастный одновременно, с креном в ту или иную сторону в зависимости от обстоятельств.

Заманский Иосиф Аристархович, 50-60 лет, нотариус, с округлыми жемами, постоянной извиняющейся улыбкой и умными грустными глазами.

Действие происходит в загородном особняке.

Действие 1

Гостиная в доме Кичатовых. В углу горит огонь в камине, выложенном мрамором, напротив него стоят столик и несколько глубоких мягких кресел. Посредине комнаты установлен обеденный стол, один из стульев, стоящий в центре, отличается от других – своей высокой резной спинкой он похож на трон. Перед ним на столе – тарелка, на ней рюмка водки, накрытая кусочком черного хлеба. На столе шесть приборов, вазы с фруктами, бутылки и прочее. Их расставляет Любовь, одетая в просторное темное платье, напоминающее балахон, с прикрепленным на груди черным бантом. Поверх платья одет белый кружевной передник, который носят горничные. Входит Оглоблин в строгом темно-синем костюме, также с черной повязкой на рукаве. В руках он несет портрет Кичатова. Следуя молчаливому указанию Любви, он вешает портрет на стену напротив стола, затем обходит вокруг, разглядывая блюда и бутылки.

Оглоблин. Водки мало!

Любовь. Достаточно.

Оглоблин. А я говорю – мало. Что вы, бабы, в этом понимаете!

Любовь. Да уж не меньше тебя, когда речь идет о поминальном ужине.

Оглоблин. Хозяин любил выпить водочки. Он бы не одобрил такого скупердяйства. Так рывкнул бы – стены задрожали!

Любовь. Какой он тебе хозяин? Ты что, его дворовый пес? Не смей так называть Кичатова! (Крестится). Мир его праху!

Оглоблин. Для тебя Кичатов, разумеется, был не хозяин, а мил-другок. Я-то свой шесток знаю!

Любовь. Да ты никак ревнуешь? Глупый! Что было, то забыто. А сейчас наше с тобой время пришло.

Оглоблин. Это как?

Любовь. Подожди немного, сам все увидишь и поймешь.

Оглоблин. А я не хочу ждать! (Пытается ее обнять). И так уж сколько ждал-прождал. Люба ты моя!

Любовь. С ума сошел? Мне бабушка говорила, дух умершего человека, не похороненного в земле, бродит, неприкаянный, в тех местах, где человек жил. А вдруг дух Кичатова сейчас здесь и наблюдает за нами? (Показывает на портрет).

Оглоблин. Я столько лет смотрел, как он тебя тискает у меня на глазах. Пускай теперь он поглядит!

Любовь. А потом будет пугать меня по ночам? Духи – они, говорят, мстительные. (Отталкивает Оглоблина). Нет уж, премного благодарна! И вообще, уходи отсюда, не мешай мне. А то скоро родственники вернутся с кладбища, а у меня еще стол не накрыт. Вот и водки, сам говоришь, недостает.

Оглоблин. Кто будет-то?

Любовь. Вдова, Софья Алексеевна, их с Кичатовым дочери, Вера и Надежда, с мужьями. Еще нотариус, Иосиф Аристархович Заманский. Всего шесть человек. (Считает тарелки и рюмки). Так, верно, приборов тоже шесть.

Оглоблин. А нотариус-то зачем?

Любовь. Он должен огласить завещание покойного. Я думаю, для этого и затевается этот поминальный ужин. Завещание Кичатова будет на нем главным блюдом.

Оглоблин. Как-то не по-людски это.

Любовь. Что еще тебе не так?

Оглоблин. Да, говорю, не по-людски это – хоронить пустой гроб.

Любовь. А что им еще оставалось делать? Тела-то так и не нашли, одни обломки яхты. Еще хорошо, что спасательный круг уцелел с надписью «Кичатов». Только потому и признали Кичатова погибшим. Конечно, и денег на всякие разрешения да взятки ухлопали уйму. А так бы мурыжили еще лет десять-пятнадцать, пока все состояние не развеяли по ветру. Без законного-то владельца.

Оглоблин. И все равно не по-людски. Едва опустили гроб в землю – сразу делить наследство.

Любовь. Значит, есть что делить. Тебе, рожденному в коммунальной квартире, этого не понять. У тебя всего имущества – в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи.

Оглоблин. Это уж точно. Хозяин был не бедный человек. Несколько рыбоперерабатывающих предприятий, целая флотилия средних и малых траулеров... На сколько миллиончиков зеленых все это потянет?

Любовь. Ты не наследник. Незачем и считать.

Оглоблин. Неужели все поделят между женой и дочками? Ведь разорят компанию бабы. Что они в рыболовстве смыслят?

Любовь. Тебе-то что?

Оглоблин. А то, что как вдова обеднеет, тогда и нас уволят. Придется новое место себе искать. А не найдем в одном доме, что тогда? Будем встречаться по выходным и праздникам на стороне, в съемных комнатах?

Любовь. Тогда и будем думать, Петенька, когда прогонят. Пока же других дум хватает.

Оглоблин. Это каких-таких дум?

Доносится шум автомобилей.

Любовь. Тихо! Слышишь? Кажется, подъезжают. Иди, открывай двери безутешной вдове и детям. Глядишь, и подадут на чай – от хозяйских-то щедрот!

Оглоблин. Странная ты, Люба, баба! Другая бы радовалась своему избавлению, а ты... Сколько я тебя знаю, а не пойму никак!

Любовь. Куда уж тебе понять, олух царя небесного! Для понимания у тебя есть я. А ты просто слушайся меня, и все будет хорошо.

Оглоблин в сердцах машет рукой и быстро уходит.

Входит Софья Алексеевна. Она в траурном черном платье и шляпе с большими полями, с которых свисает полупрозрачный креп, закрывающий половину лица, возможно, для того, чтобы на похоронах скрыть отсутствие слез.

Любовь. Примите мои соболезнования, Софья Алексеевна!

Софья Алексеевна. Что? А-а... Да-да, конечно. (Обходит вокруг стола). Слишком много водки.

Любовь. Андрей Олегович любил, чтобы на столе...

Софья Алексеевна. Запомни, Любочка, отныне в этом доме все пойдет по-другому. И тебе придется забыть о том, что любил мой покойный муж. Надеюсь, ты меня хорошо понимаешь?

Любовь. Да, Софья Алексеевна.

Софья Алексеевна. Тем более что ты знаешь о пристрастии мужа Верочки, Алексея, к этому зелью. Поэтому убери водку совсем. За помин души моего покойного мужа мы выпьем красного вина. Это будет и пристойно, и без неприятных последствий.

Любовь. Да, Софья Алексеевна.

Любовь убирает водку со стола и уносит. Когда она возвращается, Софья Алексеевна внезапно замечает портрет мужа на стене и гневно вскрикивает.

Софья Алексеевна. А это еще что такое?!

Любовь. Где, Софья Алексеевна?

Софья Алексеевна. Я спрашиваю, зачем сюда повесили этот ужасный портрет? Немедленно снять! Он навевает на меня тоску. Как ты неделикатна, Любочка, просто ужас! Сразу видно отсутствие должного воспитания.

Любовь. Да, Софья Алексеевна. Вы совершенно правы.

Софья Алексеевна. Я знаю это. И поэтому вам совершенно не за что на меня сейчас обижаться.

Любовь. Разумеется, Софья Алексеевна.

Любовь снимает портрет со стены и выходит с ним из гостиной. В дверях она сталкивается с Заманским.

Заманский. Здравствуйте, Любовь! Мы с вами сегодня еще не виделись. Такой печальный день! Вам очень идет это платье.

Любовь. Спасибо, Иосиф Аристархович. (Уходит).

Заманский подходит к камину и греет над огнем руки, зябко поеживаясь.

Заманский. Как девочка расстроена смертью Андрея Олеговича! Вы не находите, Софья Алексеевна, что в наше время – а общество явно переживает период всеобщей слепой и неразумной ненависти простых людей к разбогатевшим согражданам, – подобное отношение домработницы к своему нанимателю весьма трогательно?

Софья Алексеевна. Не нахожу. Более того, я испытываю неодолимое желание пожелать ей семь футов под килем и дать расчет.

Заманский. Надеюсь, причина веская?

Софья Алексеевна. Чрезвычайно. Я не хочу видеть ее в своем доме. От этого у меня может разлиться желчь. А мне сейчас как никогда нужно быть сильной и здоровой. Ведь на мои хрупкие женские плечи будет возложена миссия уберечь компанию мужа от банкротства. Ради наших с Кичатовым дочерей и будущих внуков.

Заманский. О каком банкротстве вы говорите, Софья Алексеевна? Слава Богу, дела идут хорошо, предприятие процветает. Но если вы и в самом деле опасаетесь, что не справитесь... Да, кстати, а почему нет водки?... Думаю, Алексей, муж Верочки, может возглавить компанию вашего покойного мужа. А благодаря Павлу, мужу Наденьки, ей будут обеспечены квоты на добычу рыбы на много лет вперед. Так что беспокоиться не о чем. Вам остается только стричь купоны.

Софья Алексеевна. Вы неисправимый оптимист, Иосиф Аристархович. А ведь сами знаете, что у Алексея случаются длительные запои. И тогда он не то что за компанию – за себя отвечать не способен. И еще вопрос, сохранит ли свою должность начальника департамента рыбного хозяйства Павел. Это будет зависеть от нового губернатора края. Наш нынешний, насколько мне известно, потерял расположение президента. И его судьба висит на волоске.

Заманский. Надеюсь, президент не уподобится Атропос, одной из трех древнегреческих богинь судьбы, и не перережет этот самый волосок.

Софья Алексеевна. Вы, как всегда, поражаете меня своей эрудицией, Иосиф Аристархович. Но мне сейчас не до мифологии. Сиюминутные заботы одолевают. Вы уж простите бедную вдову!

Заманский. Что вы, что вы, Софья Алексеевна! Это вы извините меня, что оседлал своего конька и понесся вскачь... Когда прикажете огласить завещание Кичатова?

Софья Алексеевна. Как говорил мой покойный муж, в море самое лучшее время – адмиральский час. Он наступает на судне после обеда. В нашем доме склянки пробьют после поминального ужина. Все будут сыты, а, следовательно, настроены благодушно. И воспримут последнюю волю покойного с философским спокойствием.

Заманский. Вы очень мудры, Софья Алексеевна. (Целует ей руку).

Софья Алексеевна. Я прошла хорошую школу. Кичатов был прекрасным учителем жизни, пусть немножко и грубоватым. Вечная ему память!

Входят Юрков и Вера.

Вера. Мама, ваша Любочка совсем обнаглела! Только что пробежала мимо нас с Павлом, как очумелая...

Юрков. Кичатов сказал бы – как ошпаренный стасик. Стасиками, Верочка, на судах в море называют тараканов.

Софья Алексеевна. Фу, какая мерзость! К чему такие подробности?

Вера. И даже не поздоровалась, словно мы невидимки!

Софья Алексеевна. Я уже говорила Иосифу Аристарховичу, что собираюсь ее уволить.

Юрков. Может быть, отдадите ее нам? Мы с Надей хотели бы нанять домработницу. Вы же знаете, у вашей дочери слабое здоровье. Ей трудно работать и вдобавок вести домашнее хозяйство.

Софья Алексеевна. И не надейся! От такой домработницы только и жди беды в доме. Все равно как от девятибальной волны на море по шкале Бофорта. Неряха, нахалка, грубиянка! И, кроме того, слишком послушна воле хозяина. Готова исполнить любое его желание.

Вера. Мама!

Юрков. Следовательно, хорошей рекомендации Любочке от вас не получить? Тогда придется и мне внести ее в свой «черный список».

Софья Алексеевна. Сделай милость! Кстати, где твоя жена? И где твой муж, Вера?

Вера. Они прошли в библиотеку. Надя вдруг захотела показать Алексею свой перевод стихотворения какого-то зарубежного поэта. Бедная сестренка! Она так и не смогла забыть свое детское увлечение поэзией.

Юрков. Бедный Алексей! Уверен, что он сейчас мечтает черпануть бортом и принять в трюм рюмашку водки. А вместо этого ему приходится выслушивать поэтические завывания моей женушки. Можете поверить, это испытание не для слабых натур. Лично я скорее бы согласился пережить хуррикан в открытом море. А это ураган, сила ветра в котором достигает шестидесяти метров в секунду.

Софья Алексеевна. Вдвоем? В библиотеке? Этого еще не доставало... (Кричит). Любочка! Да где же она? Вот еще беда на мою голову. Любочка!

Входит Любовь.

Софья Алексеевна. Куда ты запропастилась? Я кричала, как ревун на маяке! Вот, голос надорвала, хриплю, словно старый боцман на шконке...

Любовь. Простите, Софья Алексеевна.

Софья Алексеевна. Позови из библиотеки Надю и Алексея. Скажи, что я жду их немедленно!

Любовь. Да, Софья Алексеевна! (Уходит).

Свет гаснет, а потом загораются прожектора и выхватывают из темноты стол в библиотеке, за которым сидят Надежда и Мышкин. Они рассматривают надписи, вырезанные ножом на столешнице. Неслышно для них входит Любовь и некоторое время остается незамеченной.

Надежда. А вот эту надпись я вырезала, когда мы с тобой первый раз встретились.

Мышкин. Помню, это была суббота.

Надежда. И вовсе нет. Воскресенье!

Мышкин. Нет, суббота. Как я могу забыть этот день! Мы читали Есенина...

Надежда. (Цитирует нараспев). «Вы помните, вы все, конечно, помните...»

Мышкин. (Подхватывает). «Как я стоял, приблизившись к стене...»

Надежда. «Взволнованно ходили вы по комнате...»

Мышкин. «И что-то резкое в лицо бросали мне».

Надежда. А вот это неправда! Никогда такого не было!

Мышкин. Было – не было. Не в этом ли весь смысл человеческой жизни?

Надежда. Смысл жизни в том, что в ней было.

Мышкин. А мне иногда кажется, что наоборот. Смысл в нашей жизни имеет только то, чего в ней не случилось.

Надежда. Алеша, не надо... (Замечает Любовь). Ах, Любочка, это вы! Что вам?

Любовь. Софья Алексеевна зовет вас в гостиную.

Надежда. Скажите маме, что мы сейчас придем. Впрочем, нет, подождите, мы идем с вами, Любочка. Правда, Алеша?

Мышкин. Как скажешь. Я подчинюсь, как обычно. Вашу руку, сударыня!

Надежда. Как вы галантны, сударь!

Мышкин протягивает руку Надежде, и они идут следом за Любовью, держась за руки. Прожектора гаснут. Загорается свет в гостиной.

Софья Алексеевна. Пошла, будто одолжение мне сделала! Нет, решено окончательно, завтра же ее уволю.

Заманский. Но учтите Софья Алексеевна, найти хорошую домработницу не так-то просто. Я это знаю по личному опыту. Ваша Любовь ничуть не лучше или хуже других. Типичный продукт нашего времени и своего поколения. Все они абсолютно лишены чувства благодарности и считают себя равными людям, которые их нанимают и дают им средства к существованию.

Софья Алексеевна. Потому что сами хозяева им это позволяют. Как мой покойный муж. Не безвозмездно, разумеется...

Вера. Мама!

Заманский. Все-таки прав был Моисей, когда сорок лет водил евреев по пустыне. Он ждал, когда умрет последний из них, рожденный в египетском рабстве. Пока будут живы те, кто родился при социализме, говорить о построении в нашей стране капиталистического общества – со всеми вытекающими отсюда общественными отношениями, – можно будет только с большими оговорками. Как показывает история, идеалы свободы, равенства и братства не так-то легко искоренить из голов, затуманенных «Марсельезой» и «Интернационалом»...

Софья Алексеевна. Иосиф Аристархович, от ваших заумных разговоров у меня всегда начинается головная боль. Лучше причаливайте к этому столу и кидайте якорь. Прошу, прошу! Вера, Павел, а вы что мечетесь по гостиной, как салаги при звуках аварийной тревоги? Быстро за стол!

Все рассаживаются вокруг стола. Входят Надежда и Мышкин, за ними – Любовь.

Софья Алексеевна. А, вот и наши любители поэзии! Присаживайтесь рядом со своими благоверными. Любочка, налей всем вина. И смотри, чтобы тарелки не были пустыми!

Мышкин. Вино? А нет ли на камбузе водки?

Софья Алексеевна. Водки не будет. Не забудь, пожалуйста, по какому поводу мы собрались за этим столом.

Мышкин. Я помню. Еще не отряс кладбищенский прах со своих ног. Но покойному Андрею Олеговичу это бы вряд ли понравилось. Он любил водочку. Да если еще и под соленый огурчик! Как Кичатов говорил, лучше может быть только пустить на дно траулер компании-конкурента.

Софья Алексеевна. Алексей, прекрати травить байки! Вера, утихомирь своего мужа. А ты, Павел, вытри слезы своей жене. Вот тебе платок, Надя, свой ты всегда теряешь! (Подает носовой платок).

Юрков. Будьте покойны, Софья Алексеевна. Отдраю ее глазки до солнечных зайчиков, как медную рынду на судне!

Софья Алексеевна. За этим столом не должно быть страдающих лиц. Вы все знаете, Кичатов любил веселую компанию, не выносил нытья и меланхолии. После нашего замужества мне долго пришлось привыкать к такому образу жизни. Ведь я только окончила школу, была, что называется, тепличным цветком. Рафинированная дочка интеллигентных родителей, мечтательница, живущая в тех веках, когда на земле существовали благородные рыцари и трубадуры, воспевающие прекрасных дам. А он – простой рыбак, грубый и неотесанный, думающий лишь о хлебе насущном. Но со временем я привыкла. И сегодня я хочу воздать Кичатову то, что он заслужил. Мы не будем о нем рыдать и рвать волосы на голове. Мы проводим его в последний путь с грустной улыбкой на губах, но не более того.

Любовь проходит вдоль стола и наливает всем в бокалы вино.

Надежда. Мама, я хочу прочитать в память о папе одно стихотворение...

Софья Алексеевна. Если можно, то позже. А сейчас мы просто выпьем по бокалу вина и помянем твоего отца минутой молчания.

Мышкин. А я бы хотел послушать!

Софья Алексеевна. А я бы хотела, чтобы ты выпил минеральной воды вместо вина. Но не всегда и не все наши желания осуществимы, увы!

Все пьют. И некоторое время молчат. Затем Софья Алексеевна стучит вилкой о пустой бокал, привлекая к себе общее внимание.

Софья Алексеевна. Вот и помянули Кичатова, да обретет вечный покой его беспокойная морская душа. А теперь каждый, я надеюсь, скажет о нем что-нибудь хорошее. Иосиф Аристархович, начните первым, на правах старого друга семьи.

Заманский. Благодарю вас, Софья Алексеевна. (Встает). Я был поверенным в делах Андрея Олеговича Кичатова много лет. С того дня, когда он учредил свое первое рыболовецкое предприятие. Это было лихое время. И тяжкий рыбацкий труд являлся не самым тяжелым испытанием. Ведь в открытом море не было ни бандитов, ни чиновников. Они поджидали рыбаков на суше. И те, и другие хотели урвать свой кусок от рыбацкого пирога, пожирнее и побольше.

Юрков. Ну, это вы зря обобщаете, Иосиф Аристархович! Я лично живу по принципу – на чужой каравай рот не разевай. Свой бы прожевать.

Заманский. Простите, Павел, речь, конечно же, не о вас, а о тех, кого нет за этим столом.

Мышкин. Паша – совесть наша.

Юрков. Эй, рыба летучая, сложи плавники!

Софья Алексеевна. Дети, тише, тише! Давайте послушаем Иосифа Аристарховича. Он так красиво говорит.

Заманский. Благодарю вас, Софья Алексеевна... (Целует ей руку). Но Кичатов выстоял. Не многим это тогда удалось. Он оказался одним из этих избранных. И судьба, которая любит сильных людей, щедро вознаградила его. Я говорю не только о материальных благах. Но и о семье – любящих и преданных жене и дочерях, их мужьях, ставших для Кичатова опорой в его трудах. И его скоропостижная смерть уже ничего не изменит. Кичатов оставил после себя на этой земле не пенящийся бурун, который вскоре исчезает, а глубокую борозду. (Выпивает бокал вина и садится).

Софья Алексеевна. Как трогательно! Любочка, не стой столбом, налей еще вина Иосифу Аристарховичу. Надя, ты хотела произнести что-то поэтическое? Самое время.

Надежда. Уже нет, мама. Я вспомнила, что папа не любил поэзии. Поэтому я была вынуждена пойти не в литературный институт, а в институт иностранных языков.

Софья Алексеевна. Мне помнится, была другая причина.

Надежда. Да, папа тогда решил открыть представительства своей компании за рубежом. Ему был нужен человек, говорящий на английском и испанском языках. Но не первый встречный, а тот, кому он бы мог всецело доверять. Его выбор пал на меня. И я покорилась.

Вера. Подумаешь, какая жертва! По настоянию папы мне пришлось отказаться от мечты стать актрисой. Я закончила юридический, чтобы вести дела его компании. Но это обстоятельство не помешает мне сегодня сказать – я благодарна своему отцу за его дальновидность. Сейчас я зарабатываю намного больше любой актрисы.

Надежда. Но ты могла бы стать знаменитой. Как Татьяна Дорониная или Мэрил Стрип. У тебя был талант! Чем это было хуже?

Вера. И зависеть от пристрастия режиссеров и изменчивых вкусов толпы? Нет уж, увольте! Меня устраивает моя нынешняя жизнь. Жаль, что тебя твоя – нет. Впрочем, ты всегда была не от мира сего. Как вспомню твои стихи... Бр-р! Сколько в них слащавости, наивного романтизма!

Надежда. Когда-то они тебе нравились.

Софья Алексеевна. Девочки, не ссорьтесь! Надя, не хочешь читать стихотворения, не надо. Просто выпей вина за упокой души своего отца. Никто из нас тебя не осудит.

Надежда. Нет, я все-таки прочту! (Встает и декламирует).

Когда мои глаза закроешь ты навек,
Коснись их долгим-долгим поцелуем.
Тебе расскажет взгляд последний, чем волнуем
Безмерно любящий пред смертью человек...

Софья Алексеевна. Надя, достаточно! У меня сейчас от переизбытка чувств начнется головная боль. А твоему покойному отцу это не понравилось бы.

Надежда. Да, мама. (Садится).

Мышкин. Это твои стихи?

Надежда. Я уже давно ничего не пишу. Только иногда перевожу чужие. Это стихи знаменитого бельгийского поэта Эмиля Верхарна. Тебе понравилось?

Мышкин. Очень!

Софья Алексеевна. Меньше поэтических восторгов, Алексей. Ты же рыбак, а не красна девица! Лучше скажи в прозе несколько слов о своем покойном тесте. Ведь тебя он, надеюсь, не принуждал занять кресло генерального директора одного из своих предприятий?

Мышкин. Нет, сначала я даже был рад этому. Но цена оказалась слишком высока. Судно дало течь и потеряло плавучесть.

Софья Алексеевна. Как тебя понимать?

Надежда. Алеша, не надо!

Вера. Нет, почему же! Пусть продолжает.

Мышкин. Я все сказал.

Вера. Тогда то, на что только намекнул мой вечно пьяный муж, доскажу я. Он жалеет себя. Ведь ему пришлось жениться по желанию Кичатова на его старшей дочери. Та, избалованная с детства любящим отцом и его деньгами, считала себя неземной принцессой, а потому была слишком разборчива, и в результате осталась старой девой. Алексей пожертвовал собой, за что и был вознагражден должностью генерального директора. О чем после горько пожалел и запил с горя. Не так ли, Алексей?

Софья Алексеевна. Разумеется, не так, Верочка. Ты просто глупо ревнуешь Алексея.

Вера. К кому? К этой блаженной дурочке, моей младшей сестренке, с которой они вечно прятались по темным углам и шушукались, как стасики? Вот еще! Я ведь сама свела их, желая избавиться от надоедливых приставаний Нади. Я к тому времени уже повзрослела, меня занимали серьезные проблемы. А ей нужен был восторженный слушатель ее наивных детских стишков.

Надежда. Какая ты злая, Вера!

Вера. Скажи спасибо отцу, который настоял на том, чтобы ты вышла замуж за Павла. И будь благодарна мне за то, что я избавила тебя от этой размазни в штанах. Представляю себе вашу семейную жизнь с моим муженьком! Так приторно-сладко, что тошнота подступает к горлу.

Мышкин. Если хочешь, то вместо Нади тебя поблагодарю я. Но ее оставь в покое. Изливай свою желчь на меня, если уж не можешь без этого.

Софья Алексеевна. Дети, дети, не ссорьтесь! Сейчас я особенно жалею, что Кичатов ушел от нас. При нем вы не посмели бы вести таких разговоров! Лучше выпейте за упокой его души.

Любовь наливает вино в бокалы. Все замолкают и начинают есть и пить. Какое-то время тишина нарушается только звоном столовых приборов и бокалов. Заманский встает и отходит к камину, знаком пригласив за собой Софью Алексеевну. Та подходит к нему.

Заманский. Может быть, пришло время огласить завещание Кичатова?

Софья Алексеевна. Пока нам лучше лечь в дрейф, Иосиф Аристархович. И переждать бурю. Не знаю, как отреагируют девочки и их мужья, узнав, что Кичатов все оставил мне.

Заманский. Вы так думаете?

Софья Алексеевна. Я не думаю, я знаю. Кичатов не хотел дробить свою рыбную империю. И у него не было сына, которому он мог бы ее завещать. Поэтому он принял компромиссное решение. Каждая дочь получит половину его состояния, но только после моей смерти. До этого дня – а я надеюсь, что он наступит не скоро, – они могут рассчитывать лишь на дивиденды от финансовой деятельности компании. Впрочем, что это я вам открываю Америку, Иосиф Аристархович? Вы знакомы с завещанием Кичатова не хуже меня.

Заманский. (Смущенно). Да-да, как же...

Софья Алексеевна. Не беспокойтесь, Иосиф Аристархович, я знаю верное средство, как вернуть мир в нашу семью.

Заманский. И что же это за панацея? Поделитесь тайной с многодетным отцом. Вы не представляете, как я вам буду признателен!

Софья Алексеевна. Семейный альбом.

Заманский. А вы уверены, что не чековая книжка?

Софья Алексеевна. Ерунда, деньги еще никогда никого не примиряли. Они могут только поссорить. Но старые фотографии – это верный курс к прощению. Они напоминают нам о годах, когда мы были молоды и счастливы. В то время мы еще не успели накопить груз обид и дарили друг другу чистую и искреннюю любовь. Тогда девочки обожали своего отца, а он безмерно любил их... и даже меня. А я сходила с ума от его мужской силы и походки вразвалочку. Походки старого морского волка, сошедшего ненадолго с палубы на берег.

Заманский. Я помню то время. И могу только в очередной раз подивиться вашей мудрости, Софья Алексеевна!

Софья Алексеевна. Была бы мудра, то послушалась бы своих родителей. И никогда бы не вышла замуж за Кичатова... Любочка!

Любовь. (Подходит). Да, Софья Алексеевна.

Софья Алексеевна. Сходи в мою спальню. В нижнем ящике прикроватной тумбочки найдешь альбом в тисненном кожаном переплете. Принеси его сюда, да быстрее!

Любовь. Хорошо, Софья Алексеевна.

Софья Алексеевна. Да смотри, не зайди ненароком в спальню моего покойного мужа, куда ты так хорошо знаешь дорогу. Дело в том, Иосиф Аристархович, что в тумбочке Кичатова, причем в том же самом нижнем ящике, лежит точно такой же альбом. Я знаю, потому что сама покупала их за границей в одном бутике. Только в его альбоме – не семейные фотографии, а снимки голых красоток из порнографических журналов. Кичатов вложил их туда нарочно, чтобы позлить меня. Да ты, Любочка, поди, и сама все это знаешь?

Любовь. Нет, Софья Алексеевна.

Софья Алексеевна. Ну, так что же ты замерла, как буюк на воде в полный штиль? Или мне следует повторить свою просьбу?

Любовь. Нет, Софья Алексеевна. (Уходит).

Софья Алексеевна. И вот так всегда – доводит меня до бешенства своей мнимой покорностью и безответностью. А на самом деле – змея подколодная. О, вы бы знали, Иосиф Аристархович, сколько в ней яда! Даже великий морской змей не сравнится. Нет, завтра же утром прогону ее прочь. Теперь, после смерти Кичатова, я наконец-то смогу осуществить свою давнюю мечту.

Заманский. (Отходя). Кто знает, кто знает...

Софья Алексеевна. Действительно, откуда вам знать, о чем может мечтать бесконечными ночами позабытая мужем женщина? В кромешной тьме, мучаясь бессонницей, она прислушивается к подозрительным шорохам и звукам, которые доносятся из спальни ее мужа... (Ее голос дрожит). Да что это со мной? Того и гляди, расплачусь, как старая рында. Самое время осушить бокал вина за упокой его грешной души. (Возвращается к столу, садится на свой стул). Павел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.